

РУССКИЙ КОГЕН:
НЕКРОЛОГИ 1918 ГОДА

М. А. Колеров¹

Русская либеральная и социалистическая пресса на территории РСФСР, контролировавшейся советской властью, пока советская власть оставалась коалиционной, уже тогда могла называться *подсоветской*, но была в целом свободна. Повременная печать вплоть до 7 июля 1918 г. успешно приравнивалась к новой власти, когда надо меняя названия, но сохраняя преемственность оформления и политической линии. Однако 6 июля 1918 г. левые социалисты-революционеры — участники советской коалиции, младшие партнеры большевиков — подняли восстание, требуя революционного разрыва Брест-Литовского мира с Германией и ее союзниками. Восстание было подавлено, но его день стал последним днем свободной политической периодики в Советской России.

Брест-Литовский мир, несомненно, делал РСФСР внешнеполитическим и внешнеэкономическим протекторатом Германии. Несмотря на мир, в течение весны 1918 г. Германия продолжала двигать свои войска на восток, занимая всё новые территории. Но формальный мир неформально открывал и новые, немислимые прежде для России как для участника Первой мировой войны, более быстрые информационные коммуникации с Германией и Австро-Венгрией. Вовсе не порывая связей с дипломатическими и культурными представительствами воюющих противников Германии и ее союзников — Великобритании, Франции, Италии в РСФСР, подсоветская печать начала более внимательно следить за культурными событиями немецкой жизни. Такой новостью стала смерть в Берлине Германа Когена 4 апреля 1918 г.

Автор микронекролога и яркий представитель русской печати весны 1918 г., скрывшийся под криптонимом *Vs. R.*, судя по его текстам, был образованным историком философии, с острым интересом следившим за развитием и русской философии в ее ярких образцах академического (университетского) и политического (общественно активного) идеализма. Его заметку опубликовал социал-демократический, но антибольшевистский еженедельник «Понедельник», который редактировали Екатерина Кускова и Михаил Осоргин. Среди авторов этого политического и литературного издания были заметны, кроме его редакторов, историк литературы Юрий Никольский, Павел Муратов, Илья Эренбург, Сергей Дурьлин,

¹ Москва, Россия.
Поступила в редакцию: 23.12.2017 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2018-2-4
© Колеров М. А., 2018

HERMANN COHEN:
RUSSIAN OBITUARIES FROM 1918

М. А. Колеров¹

In parts of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR), controlled by the Soviet authorities while the Soviets were a coalition, the Russian liberal and socialist press could already be considered “sub-Soviet,” yet it remained free for the most part. Until July 7, 1918, periodicals were successfully adapting to the new authorities. They changed titles whenever needed, but preserved their design, layout, and political attitude. On July 6, 1918, the Left Socialist-Revolutionaries — members of the Soviet coalition and junior partners of the Bolsheviks — staged an uprising, demanding that the Peace Treaty of Brest-Litovsk with Germany and its allies be abrogated. The uprising was quelled and the day on which it happened was the last day of free political periodicals in Soviet Russia.

Indeed, the Treaty of Brest-Litovsk turned the RSFSR into Germany’s political and economic protectorate. Despite the peace agreement, from March to May 1918, Germany continued to advance its troops eastward, taking control of new territories. However, the formal peace agreement was informally opening up new, faster channels of communication with Germany and Austria-Hungary, which were unconceivable for Russia as long as it was a participant in World War I. Without severing ties with the diplomatic and cultural missions of Great Britain, France, and Italy in the RSFSR, i.e., the countries fighting against Germany and its allies, the “sub-Soviet” press started following more closely the cultural life of Germany. Among other pieces of news coming from Berlin was that of the death of Hermann Cohen on April 4, 1918.

A micro-obituary was written in the spring of 1918 by an outstanding contributor to the Russian press, who hid behind the cryptonym “Vs. R.” Judging by the texts signed by these initials, their author was a well-educated historian of philosophy with a keen interest in the development of Russian philosophy in its striking examples of academic, university-based and political, socially active idealism. Vs. R.’s notice was published in a social-democratic, yet anti-Bolshevik weekly periodical, *Ponedel’nik* [Monday], edited by Ekaterina Kuskova and Mikhail Osorgin. Alongside the editors, other contributors to the *Ponedel’nik* were the historian of literature Yury Nikolsky, Pavel Muratov, Ilya Erenburg, Sergey Durylin, Aleksey Sidorov, Jurgis Baltrušaitis, Vladislav

¹ Moscow, Russia.
Received: 23.12.2017.
doi: 10.5922/0207-6918-2018-2-4
© Колеров М. А., 2018

Алексей Сидоров, Юргис Балтрушайтис, Владислав Ходасевич, Михаил Цетлин (Амари), Борис Зайцев, Марина Цветаева, Михаил Поливанов, Борис Грифцов, Алексей Дживелегов, Николай Тарабукин, Яков Тугендхолд, Сергей Карцевский, Вахан Тотомианц, Петр Кропоткин. Еженедельник демонстративно издал целый ряд тематических выпусков в сотрудничестве с соответствующими культурными учреждениями иностранных государств: о культуре Англии, о культуре Франции, о культуре Италии.

Вс. Р., несмотря на явленные им западные интеллексы, вынашивал идею русской национальной философской традиции как части западной, но оригинальной. Он писал, намекая, что марксистская власть в России — власть продолжателей немецкой классической философии, ибо таковы марксисты (как о том говорили в известных своих формулах Фридрих Энгельс, а также в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона Петр Струве, а след за ним и Владимир Ленин): «...нам, отравленным немецкой философией, так полезно и отрадно, как древнему Антею, прикоснуться к “земной пыли”, чтобы освеженными и исцеленными выйти из тушика, в который завела нас российская безудержность в союзе с германской философией»². Фактически повторяя классическую дихотомию Николая Михайловского и следующий ей ход мысли известной статьи Николая Бердяева в сборнике «Вехи», Вс. Р. формулирует в духе актуальной политической оппозиции: «...погоня за правдой-справедливостью заставила забывать о правде-истине». И критически развивает бердяевский перечень философских мод, доводя его до времени революции как ее внутренний стержень: «Мы всегда поклонялись Западу. Десьянс-академии, через кружок Станкевича, до ницшеанских, марксистских, неокантианских кружков недавнего прошлого западниками были мы, с готовностью лова всякую иную новинку, лишь бы она была прогрессивна и до пределов заостряла проблему! Эта жажда остроты и боязнь отстать от века заставляла нас метаться от экономического материализма к ницшеанству, от предельной отвлеченности и рационалистичности марбургской философии к прагматизму. Властителями дум наших по очереди были: Спенсер, Маркс, Ницше, Авенариус, Коген, Бергсон, теперь Гуссерль и Штейнер»³.

«Неделя “Народного Слова”» в которой был напечатан отклик известного психолога и философа Моисея Матвеевича Рубинштейна (1878—1953), — издание правосоциалистическое и вполне антибольшевистское и антисоветское. В его титуле (одном из титулов, ибо издание не раз меняло свое название) было

Khodasevich, Mikhail Tsetlin (Amari), Boris Zaitsev, Marina Tsvetaeva, Mikhail Polivanov, Boris Griftsov, Aleksey Dzhivelegov, Nikolay Tarabukin, Yakov Tugendhold, Sergey Kartsevsky, Vakhan Totomians, and Peter Kropotkin. The periodical ostentatiously published a series of thematic issues in cooperation with cultural institutions of foreign states focusing on the cultures of England, France, and Italy.

Despite his apparent interest in the West, Vs. R. cherished the idea of the Russian national philosophical tradition as an original part of Western philosophy. Vs. R. writes allusively that Marxist authorities in Russia are successors of German classical philosophy, because that is what Marxists are (as Friedrich Engels said in his well-known formulas, as well as Petr Struve in the *Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary*, and later also Vladimir Lenin): “For us, poisoned with German philosophy, it is so useful and gratifying to touch ‘the dust of the earth,’ as Antaeus did, so that, revived and healed, we can break the deadlock, to which we were brought by Russian unrestrainedness combined with German philosophy.”² In fact, repeating the classical dichotomy of Nikolai Mikhailovsky and the line of thought that ensues from a well-known article by Nikolai Berdyaev in the collection *Vekhi* (1909), Vs. R. writes, in the spirit of the contemporary political opposition, that: “...the pursuit of truth as justice made us forget about truth as verity.”³ Further, the author critically develops Berdyaev’s list of philosophical fashions, extending it to the time of the revolution and interpreting it as the revolution’s backbone:

We always worshipped the West. From the *Académie des sciences*, through the Circle of Stankevich, to Nietzschean, Marxist, and Neo-Kantian circles of the recent past — we were Westernisers, eager to embrace any foreign novelty as long as it was progressive and as long as it sharpened a problem to the maximum! This striving for acuteness and the fear of falling behind the times made us bounce from economic materialism to Nietzscheism, from the utmost abstractness and rationalism of the Marburgian philosophy to pragmatism. Our thoughts were influenced, in turn, by Spencer, Marx, Nietzsche, Avenarius, Cohen, Bergson, and now Husserl and Steiner.⁴

The periodical that published an obituary by the famous psychologist and philosopher Moisey (Moses) Matveyevich Rubinstein (1878—1953) — *Nedelya “Narodnogo Slova”* [*“Popular Word” Weekly*] — was a right socialist and quite anti-Bolshevik and anti-Sovietic newspaper. A description of the topics covered by the newspaper is provided in the subtitle (in fact, one of

² Вс. Р. Об английской философии // Понедельник. 1918. №18 (1 июля (18 июня)). С. 4.

³ Вс. Р. Судьбы русской философии // Понедельник. 1918. №16 (17 (14) июня). С. 3. См. также о чтении С.Н. Булгаковым своих диалогов в Религиозно-философском собрании: Вс. Р. «На пиру богов» // Понедельник. 1918. №17. (24 (11) июня). С. 4.

² Vs. R. On English Philosophy. *Ponedel'nik*, 1918, 18, Moscow, 1 Jul. (18 Jun.), p. 4. (In Russ.)

³ Vs. R. The Fates of Russian Philosophy. *Ponedel'nik*, 1918, 16, Moscow, 17 (4) Jun., p. 3. (In Russ.)

⁴ *Ibid.* See also, S.N. Bulgakov’s recitations of his dialogues at the Religious-Philosophical Association: Vs. R. “At the Feast of the Gods.” *Ponedel'nik*, 1918, 17, Moscow, 24 (11) Jun., p. 4. (In Russ.)

дано разъяснение: «Еженедельник политики, литературы и общественности. Издается при ближайшем участии С. П. Мельгунова, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева и А. В. Пешехонова». Редактором-издателем еженедельника, который также печатался в известной партийной типографии товарищества «Задруга», был указан литературно-издательский комитет Трудовой народно-социалистической партии. Сообразно такой фиксированной партийности еженедельник был почти полностью посвящен политической практике и теории, среди коих философский некролог Когену выделяется своей тематической нехарактерностью.

Тексты некрологов выявлены впервые в газетном фонде РНБ (Санкт-Петербург) и ныне существуют в изданиях, по своему физическому состоянию находящихся на грани доступности и сохранности, поэтому здесь они представлены полностью как наиболее ценные философские тексты названных еженедельников. Орфография и пунктуация публикуемых текстов приведены к современным нормам.

**Вс. Р.
Герман Коген⁴**

Только что сошедший в могилу марбургский философ Коген был властителем душ значительной части нашей молодежи. Это не должно удивлять, ибо разочарование наше в позитивизме и недоверие к метафизике неизбежно должно было привести «обратно к Канту», а Коген был, несомненно, самым значительным из неокантианцев. Его «Кантова теория опыта», «Кантово обоснование этики» и «Кантово обоснование эстетики» были весьма своеобразной попыткой «филологически точно» восстановить философию Канта, устранив ее «мнимые» противоречия (особенно «вещь в себе»).

Но Коген был слишком самостоятельным и крупным мыслителем, чтобы остаться только интерпретатором Канта. Видя сущность критицизма в трансцендентальном методе, он не побоялся открытого разрыва с традиционным кантианством, а стремясь к «систематическому единству знания», он создал свою знаменитую «Систему философии», три тома которой должны были заменить для марбургской школы три критики Канта. У нас в России особенно ценили его теоретическую философию, его «Логику чистого познания», и немало нашей молодежи перебивало перед войной в тихом немецком городке, где так долго жил и учил покойный мыслитель.

**М. М. Рубинштейн
Герман Коген (1842–1918)⁵**

В урагане современных катастрофических событий уходят со сцены один за другим крупные евро-

⁴ Понедельник. 1918. №7 (2 (15) апр.). С. 4.

⁵ Неделя «Народного Слова». 1918. №3 (29 апр.). С. 7–8.

the subtitles, since the periodical changed its name more than once): “A weekly periodical of politics, literature, and social issues. Published with the direct participation of S. P. Melgunov, V. A. Myakotin, A. B. Petrishchev, and A. V. Peshekhonorov.” The official publisher of the weekly periodical, which was printed at the famous party typography of the company *Zadruga*, was the Literature and Publishing Committee of the Labour Popular Socialist Party. With such a clear party affiliation, the periodical was almost entirely devoted to political practice and theory. The philosophical obituary of Cohen thus stood out thematically.

The two obituaries have been discovered for the very first time in the newspaper department of the National Library of Russia (St. Petersburg). Both exist in editions, the physical conditions of which put them on the verge of accessibility and preservation. Thus, these most valuable philosophical texts from the above-mentioned periodicals are reprinted in full below.

**Vs. R.
Hermann Cohen⁵**

The recently deceased Marburgian philosopher Cohen conquered the souls of a significant portion of our youngsters. This should not come as a surprise, for our disappointment with positivism and distrust of metaphysics were bound to lead us “back to Kant,” and Cohen was undoubtedly the most important of the Neo-Kantians. His *Kant's Theory of Experience*, Kant's Foundations of Ethics, and Kant's Foundations of Aesthetics were original attempts to reconstruct Kantian philosophy with “philological precision” and to eliminate the “alleged” contradictions (especially that of the “thing in itself”).

However, Cohen was too independent and prominent a thinker to remain a mere interpreter of Kant. In seeing the essence of criticism in the transcendental method, he was not afraid of openly breaking with traditional Kantianism. Seeking a “systematic unity of knowledge,” he created his acclaimed *System of Philosophy*, the three volumes of which were meant to supplant Kant's three *Critiques* for the Marburg School. Here in Russia, his theoretical philosophy, his *Logic of Pure Knowledge*, was especially valued, and many of our youngsters visited, before the war, the quiet German town, where the late thinker lived and worked for so long.

**M. M. Rubinstein
Hermann Cohen (1842–1918)⁶**

Amid the storm of today's catastrophic events, prominent European thinkers are leaving the stage,

⁵ *Ponedel'nik*, 1918, 7, Moscow, 2 (15) Apr., p. 4.

⁶ *Nedelya "Narodnogo Slova,"* 1918, 3, Moscow, 29 Apr., pp. 7-8.

пейские мыслители. Ушел Виндельбанд, погиб Ласк. Теперь пришла весть о смерти Германа Когена. В другое время кончина этого философа произвела бы большое впечатление на круг лиц, интересующихся философией, а теперь для многих и многих смерть этого значительного человека прошла в атмосфере крайне притушенных восприятий. Целый ряд видных наших молодых ученых прошел через его школу, вступил в нашу литературу под знаменем кантианства, и еще не так давно вокруг имени Германа Когена не только в Германии, но и у нас в философских кругах кипел горячий, горячий, глубоко волновавший спор. Он был, без сомнения, не только прекрасным учителем, умевшим завоевывать учеников, но и увлекательным проповедником своих идей, создавшим у некоторых особенно податливых натур настоящее поклонение себе в духе старого учительства. Естественно, что и борьба с ним часто шла в разгоряченно подчеркнутой форме, далеко не всегда оправдывавшейся существом дела. Эта борьба не угахла и до сих пор, и можно надеяться, что смерть немецкого ученого — еврея по происхождению, дорожившего своей принадлежностью к еврейству — поведет к более справедливой переоценке как его заслуг, так и его недостатков. Надо думать, что последние годы жизни Когена прошли в нелегкой атмосфере не только потому, что культура, которую высоко ценил этот философ, явила так много отрицательных сторон, но особенно потому, что он должен был пережить, как он сам с глубокой горечью отметил это на банкете в честь его во время посещения Москвы, тяжелую и идейную неудачу и обиду: его не только лишили традиционного в Германии права видеть на своем месте в качестве наследника кафедры своего ученика или последователя, но даже заместили его кафедру представителем не чисто философского направления.

Философское значение Когена определяется его отношением к Канту. Когда в философии, изжившей пору материализма и позитивизма, раздался клич «назад к Канту» и родилось неокантианское движение, Герман Коген выступил одним из наиболее видных представителей этого течения, создав в этом русле свою собственную школу несколько своеобразным истолкованием Канта и своими выводами. Если у Канта для многих оставалась еще довольно широкая возможность расслышать более или менее отдаленные отголоски метафизики, с точки зрения Когена все такие элементы оказались «разъясненными» и Кант предстал перед читателем в роли резко отлитого врага самой идеи метафизики и трансцендентизма. Продолжая дело Канта в своем истолковании, Коген отбросил всякие помыслы о какой бы то ни было данности и пошел по пути широкого использования той мысли Канта, которую он выразил в знаменитом изречении, приписывавшем рассудку роль законодателя природы. У Канта это законода-

one by one. Windelband passed away, Emil Lask fell in battle. Now comes the news of the death of Hermann Cohen. At a different time, the death of this philosopher would have made a strong impression on anyone interested in philosophy. But today, for many, the demise of this outstanding person occurred in an atmosphere of extreme numbness. Many of our young scholars went through his school and entered our literature under the banner of Kantianism. Not long ago, the works of Hermann Cohen were at the centre of an increasingly heated and deeply troubling debate. He was, no doubt, not only an excellent teacher who could easily win over students, but also a captivating preacher of his ideas who inspired, in the old-fashioned style of teaching, real veneration in the most susceptible persons. Naturally, the fight against him was often particularly heated, which was not always justified given the essence of the matter. This fight has not dwindled to this day and one might hope that the death of the German scholar — an ethnic Jew who valued his Jewishness — will lead to a more just reevaluation of both his merits and shortcomings. Apparently, the last years of Cohen's life were spent in such a strained atmosphere not only because the culture, which the philosopher praised so much, revealed so many negative facets, but especially because he had to endure, as he admitted with great bitterness at a reception in his honour in Moscow, a painful ideational failure and insult. He was not only deprived of the traditional right in Germany to select his disciple or follower as the successor to his chair, but his chair was even assumed by a representative of an area that was not purely philosophical.

The philosophical significance of Cohen is determined by his attitude towards Kant. When philosophy, having outgrown materialism and positivism, resounded with the “back to Kant” slogan and the Neo-Kantian movement was born, Hermann Cohen became one of the most prominent representatives of this trend, within which he created his own school with his distinctive interpretation of Kant and his own conclusions. Whereas Kant still lets many hear more or less distant echoes of metaphysics, from Cohen's perspective all such elements had been “clarified” and Kant appeared before the reader in the role of a distinctly moulded enemy of the very idea of metaphysics and transcendentalism. Continuing the work of Kant in his interpretation, Cohen rejected all sorts of thoughts about any kind of givenness and embarked on the path of exploiting Kant's thought as expressed in the well-known statement that ascribes to the understanding the role of lawgiver to nature. In Kant, the lawgiving merit rested solely on the idea that the understanding bears the form, whereas matter is given. Cohen resolutely declared the sovereignty of thought, in which he found the true origin of all cog-

тельское достоинство основывалось только на том, что рассудок несет форму, но материя дана. Коген решительно провозгласил суверенность мысли — он именно в ней нашел подлинное первоначало всякого познания: она — чистая теоретическая мысль, чистое познание — не только укладывает свой предмет в познавательную форму, но она сама и создает его, и создает притом именно через познание. Таким создателем и является *научное* познание; те основоположения, которые вскрывает научная философия, и представляют собой настоящие основы реальности. Нетрудно понять, что отсюда открылись перспективы полного возвеличения науки, ее абсолютизации. Развивая по-своему Канта и «исправляя» его точку зрения, Коген с односторонностью, но и с большой философской последовательностью додумывает кантовский вопрос о возможности единства чувственности и рассудка: он уничтожает роль чистых форм созерцания и тут отдает пальму первенства рассудку, поглощая все категориальным мышлением. Чистая мысль есть начало и конец всего — ничему другому в познании не может быть места, а иначе как в познании мы о событии судить не можем. Широко пользуясь помощью математических элементов, учением о бесконечно малых величинах, Коген в очень сложной, но и очень остроумной форме пытался устранить нужду в ощущении как в основе суждения о реальности. Но мысль, не только формирующая, но и созидаящая свой предмет, — эта мысль есть *научный* элемент, а это ее достоинство лучше всего выражается в идее *метода*. Так и создался для философии Когена эпитет панметодизма.

Вслед за крупным трудом Когена о «Теории опыта Канта» появились большие труды, посвященные «Чистой логике», «Этике чистой воли». Закljučая свою мысль о мире в неразмыкающийся круг научного познания, Коген был убежден, что это дает вполне надежную основу для подлинной нравственности. Здесь впервые дается указание на иной мир, но это не мир бытия, а мир чистых значений, повелений. В сложном построении он показывает возможность учения о нравственности, которое, как и теоретическое знание, возникает на тех же основах синтетических суждений *a priori*; он показывает, как над всем этим царством нравственности сияет солнце свободы, но не как цель, а как направляющая идея, — характерная мысль в устах новокантианца. Так развертывается в мире опыта, единственной реальности, мир ценностей и значений, и питает мощную и благодатную веру в добро, которая завершается в вере в Бога. По следам своего учителя Ланге, Коген также был сторонником социализма; и он находил, что единственное свое правомерное обоснование социализм может найти только в этическом идеализме; по его убеждению, истинный социализм должен вершиной своей уходить в идею социализма и идею Бога. В этой своей

inition. Thought — pure theoretical thought, pure cognition — not only arranges its object into a cognitive form, but also creates it and does so through cognition. So, the creator here is *scientific* cognition, which is the foundation revealed by scientific philosophy and the real basis of reality. It is easy to see that the above considerations opened up avenues for the complete glorification of science, for its absolutisation. In developing Kant in his own way and in “rectifying” Kant’s point of view, Cohen rethinks, with one-sidedness, but also with great philosophical consistence, the Kantian question of the possibility of a unity between sensibility and understanding. He eliminates the role of pure forms of intuition and awards primacy to the understanding, thus letting categorial thinking absorb everything. Pure thought is the beginning and the end of everything — there can be no place in cognition for anything else, and outside cognition we cannot judge anything. Relying heavily on mathematical elements and the theory of infinitesimals, Cohen tried to eliminate, in a very complex, yet a very ingenious form, the need for senses as a basis for judgement about reality. Thought, not only forming but also creating its own object, is a *scientific* element, and its worth is best expressed in the idea of *method*. This is how the epithet “panmethodism” was created to refer to Cohen’s philosophy.

Cohen’s major work *Kant’s Theory of Experience* was followed by substantial writings devoted to *Pure Logic* and the *Ethics of Pure Will*. In confining his conception of the world to the closed circle of scientific cognition, Cohen was convinced that he provided a sufficiently solid ground for true morality. This is the first indication of another world. However, this is not a world of being, but one of pure values, commands. He uses a complex structure to show the possibility of a doctrine of morality that, like theoretical knowledge, emerges on the same grounds of *a priori* synthetic judgements. He shows how the sun of freedom shines all over this realm of morality, not as an end, but as a guiding idea — a peculiar thought coming from the mouth of a Neo-Kantian. This is how the world of values and meanings unfolds in the world of experience, the only reality, and how it nurtures a strong and sacred belief in the good, the ultimate form of which is faith in God. Following the footsteps of his teacher Lange, Cohen was also an advocate of socialism, and he believed that the only legitimate justification of socialism could be found in ethical idealism. In his opinion, true socialism should reach for the idea of socialism and the idea of God. This conception of his garnered support, not only from a broad philosophical audience, but also from economists, while vulgar socialism turned a deaf ear to all the appeals for an idealistic justification.

идею он нашел живой отклик сочувствия в широких слоях не только философов, но и у экономистов, в то время как вульгарный социализм остался глух ко всем этим призывам идеалистического обоснования.

О Когене можно спорить, как и пишущий эти строки не принадлежит к числу друзей этой школы, но было бы несправедливо отрицать за ним важное назначение. В философской жизни последних десятилетий он играл большую роль. Благодаря более обостренному истолкованию Канта и некоторой резкости своей, новокантианской позиции — той неприимности, которую особенно выявили его ученики, когенианство стало как бы символом новокантианства и сделалось мишенью особенно разгоряченных нападок. Со стороны противников, у нас — особенно у философов религиозно-философского толка. Во всяком случае, в большинстве теоретико-познавательных трудов ему уделяют известное внимание, с ним считаются и его противники. Метод его, как и его теорию, пытались использовать и в смежных областях, например в философии права. Бесспорно, что Когена проводят в могилу все, любящие философию, с искренним уважением к его памяти, как личности и как философа, а его «Теория опыта Канта» останется долго еще необходимым советником при изучении сложной философии Канта.

О публикаторе

Модест Алексеевич Колеров, кандидат исторических наук, главный редактор ИА REGNUM, Москва, Россия.

E-mail: kolerov@regnum.ru

Для цитирования:

Колеров М. А. Русский Коген: некрологи 1918 года // Кантовский сборник. 2018. Т. 37, № 2. С. 58–63. doi: 10.5922/0207-6918-2018-2-4.

We may disagree about Cohen, and even the author of this notice does not belong to the friends of this school. However, it would be unfair to deny Cohen's cardinal importance. He played a great role in the philosophical life of recent decades. Due to a more acute interpretation of Kant and the acerbity of his Neo-Kantian position, due to the defiance that is so conspicuous in Cohen's disciples, Cohenism turned into a symbol of Neo-Kantianism and became a target for the most vigorous attacks. On the side of his opponents, we especially find philosophers of the religious-philosophical persuasion. In any case, in most theoretico-cognitive works, he is paid significant attention, and his opponents never dismiss him. There have been attempts to employ Cohen's methods and theory in related areas as, for instance, the philosophy of law. Unquestionably, Cohen will be carried to the grave by everyone who loves philosophy with sincere respect for his memory as a person and as a philosopher, and his *Kant's Theory of Experience* will long remain an essential guide for the study of Kant's complex philosophy.

The publisher

Dr Modest A. Kolerov, Editor-in-Chief, REGNUM News Agency, Moscow, Russia.

E-mail: kolerov@regnum.ru

To cite this article:

Kolerov, M. A., 2018. Hermann Cohen: Russian Obituaries from 1918. *Kantian Journal*, 37(2), pp. 58-63. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2018-2-4>.